

Субъективное вменение в контексте языковой картины мира

Рааб Руслан Султанович

Студент (бакалавр)

Уральский государственный юридический университет, Институт государственного и международного права, Екатеринбург, Россия

E-mail: belchikroma@gmail.com

Сегодня развитие сравнительно-правовых исследований сопровождается все большим осознанием необходимости сравнительного анализа не только положений законодательства, но так же и более широкого спектра явлений, к которым, в частности, относятся язык и правовая культура. Поэтому, в данной работе предпринимается попытка рассмотреть некоторые особенности теории и практики субъективного вменения сквозь призму их культурно-языковых контекстов.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что языковая картина мира, в частности, представления о сфере человеческой субъективности, которые транслируются от одного поколения к другому посредством языка, оказывают влияние на формирование и утверждение тех или иных особенностей субъективного вменения. Для целей сравнения предлагается взять данные об англоязычной и русскоязычной лингвокультурах и сопоставить эти данные с особенностями субъективного вменения в соответствующих странах.

Говоря о том, как в русской и англоязычной языковых картинах мира осмысливается сфера человеческой субъективности, в первую очередь необходимо обратить внимание на соотношение русскоязычного концепта *душа* и англоязычного концепта *mind*, которые в данном случае играют ключевую роль [1]. Как отмечает ряд специалистов, те функции, которые в русском языке выполняет слово *душа*, в английском языке выполняет слово *mind*. В отличие от русскоязычного концепта, специфический и по сути точно не переводимый концепт *mind* как бы «сосредоточен на мысли (thinking) и знании (knowing), находящимися вне сферы чувств, духа или бессознательного» [1]. В то время как концепт *душа* охватывает более широкий спектр измерений психической жизни субъекта, включая не только «мысли и знания», но так же чувства, мотивы и т. п. элементы, в том числе характерные для аффективной сферы, что в итоге приводит к разному видению человека и его субъективности.

И если мы приглядимся к тому, каким образом осуществляется субъективное вменение в англосаксонских странах (в первую очередь Англии и США) и России, то непременно увидим, что в зависимости от того, каким видится в языковой картине мира центр субъективного мира человека, реализуются различные подходы к субъективному вменению. С определенной долей условности эти подходы можно охарактеризовать как подход, сопряженный с *объективизацией* вменения [2] и подход, сопряженный с *субъективизацией* вменения.

Объективизация вменения характерна для англоязычных правопорядков, что выражается в ряде особенностей, не характерных не только для России, но так же и иных стран романо-германской правовой семьи. Во первых, это одна из ключевых черт англо-американского уголовного права, а именно — особая роль образа «разумного человека» [4]. Данная особенность выражается в допущении того, что подсудимый, поскольку он вменяем, является «разумным человеком», а значит, если суд посчитает, что разумный человек на месте подсудимого осознавал бы, например, степень опасности своих действий, то значит и подсудимый их непременно осознавал, так как является «разумным человеком». В результате, в отношении лица может быть установлен факт наличия субъективной стороны даже в случае, когда оно реально не осознавало общественную опасность своих дей-

ствий. На данную проблему объективизации указывали многие исследователи, поэтому подробно останавливаться на ней не представляется необходимым. Так же отличительной чертой англо-американской теории *mens rea* является то, что разграничение форм вины практически полностью происходит по линии *интеллектуального* критерия, в то время как волевой момент автоматически презюмируется, поскольку действия, «совершаемые вменяемым и разумным человеком, всегда являются актом его воли» [3]. Помимо этого, ситуация с принципом субъективного вменения усугубляется наличием института *объективного вменения*, что по сути своей является наиболее ярким проявлением объективизации вменения. Не будет большой ошибкой сказать, что легитимность данного института во многом держится на том же допущении о разумности человека, который в силу этой разумности признается *a priori* сознающим смысл всего объективно содеянного. Ну а там где осознание, там и воля — не забывайте вышеупомянутую презумпцию воли. Во всех этих особенностях мы можем ясно увидеть «след» такого культурного скрипта как *mind*, который будучи основным для понимания англосаксонского образа человека, еще раз повторим, «сосредоточен на мысли и знании», формирует не только юридический, но и общекультурный образ «разумного человека».

В то же время, для «русскоязычного» уголовного права характерна субъективизация вменения. В целях экономии скажем так: это выражается в отсутствии тех проявлений объективизации вменения, которые характерны для англо-американского уголовного права. Так же следует отметить, что разграничение форм вины по УК РФ происходит не только по интеллектуальному, но и по *волевому* критерию (учитывается не только то, что человек знал, но и то, чего он *желал*), а так же отсутствует терминологическая путаница, характерная для теории *mens rea* [4]. В отличие от англо-американского уголовного права, УК РФ придает юридическое значение *мотивам* преступления (ряд исследователей отмечают, что в русской языковой картине мира мотивам придается большое значение). Все эти особенности, а так же ряд иных, указывают на то, что в «русскоязычном» уголовном праве при оценке субъективной стороны большое внимание уделяется не только «мысли и знанию», но так же и иным измерениям человеческой психики, таким как мотивы, желания и т. д., в чем, по аналогии с англо-американским правом, так же прослеживается определенный лингвокультурный «след», только на этот раз этим концептом является концепт *душа*, который в отличие от концепта *mind* не сводит весь мир человеческой субъективности к его рациональным, «разумным» аспектам.

Таким образом можно сделать вывод о наличии определенной взаимосвязи между языковой картиной мира и особенностями теории и практики субъективного вменения в конкретном лингвокультурном контексте.

Источники и литература

- 1) Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М, 1996.
- 2) Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США. СПб, 2003.
- 3) Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М., 2003.
- 4) Markus D. Dubber & Tatjana Hörnle, *Criminal Law: A Comparative Approach*. Oxford University Press, 2014.